

Календарные праздники и обряды

Издrevле чуваши отмечали праздники, связанные с основными циклами земледельческих работ. Но в них проявляется и более древний слой, восходящий к тем временам, когда у предков чувашей скотоводство играло большую роль в хозяйственной жизни. Для календарных праздников и обрядов чувашей характерны наслоения разных религий: от древнейшего, в немалой степени впитавшего древнетюркские религиозные воззрения, влияние зороастризма, сказывается также и воздействие ислама. В последние столетия на праздничной жизни чувашей отразилось православие. Календарные праздники приурочены к основному переломным периодам астрономического года — зимнему и летнему солнцевороту, осеннему и весеннему солнцестоянию. Дополнительными ориентирами выступали фазы луны, прежде всего ее рождение — новолуние.

Зимний цикл. Среди календарных праздников годового цикла большое место отводилось зимним праздникам, которые постепенно стали увязывать с европейским (христианским) новым годом. Считалось, что в период зимнего солнцеворота, когда день начинал прибывать, следует отгонять злых духов, благодарить добрых, просить у них благополучия людям, хозяйственных успехов, приплода скота. В эти дни праздновали животноводческо-земледельческий праздник *Сурхури*. Его название трактуется по-разному: и как «овечья нога», и как «дух-хозяин овец» от *сурăх* «овца» и *ура* «нога» или *ырă* «дух», «хозяин». Он обычно праздновался целую неделю. Позднее этот праздник в связи с христианизацией слился с Рождеством *Раштав*, продолжался до Крещения *Кăшарни*. В первый день Сурхури дети и подростки мужского пола собирались группами, из своей среды выбирали церемониальных лиц, называя их по структуре сельской общины (староста и т.д.). Они обходили деревню подворно, распевая песни о наступлении праздника. Хозяева ребят встречали у распахнутых ворот, приглашая в избу, угощали каленым горохом — символом благополучия мелкого скота, одаривали ритуальными колобками, орехами, сладостями. Дети славословили хозяев, желали приплода скота, доброго урожая, подбрасывая вверх горох. Если хозяева были не особенно щедрыми, ребята их вышучивали, прося добавки. Собранное затем делилось между участниками обряда и съедалось.

Во второй половине XIX — начале XX вв., под прямым воздействием православия, ученики в сопровождении учителя ходили по домам, распевая христианские гимны, их традиционно одаривали. Хождение детей по домам в день Рождества и в наши дни бытует в некоторых этно-территориальных группах чувашей.

Вечерами молодежь собиралась на посиделки и гадала, чтобы предугадать будущее, узнать, какие изменения произойдут в грядущем году. Для этого ближе к полуночи девушки шли в овчарню, к ним присоединялись и парни, в темноте хватали овец за задние ноги, чтобы затем по масти и возрасту овцы узнать признаки будущего супруга. Кое-где и в 1950-х гг. молодежь продолжала гадать по овцам, для чего ходили в колхозную овцеферму. Кроме этого, проводились разные гадания. Ходили на гумно к стогам, вытягивали зубами стебли из кладей, затем, вышелушив колосья, по количеству зерен предопределяли урожайность.

Считали колья забора по принципу «чет-нечет», под окнами спрашивали имя будущего мужа, ставили гнет стоймя, и по тому, в какую сторону упадет, оттуда ждали жениха.

В неделю Сурхури молодежь по вечерам ходила ряжеными, кто в вывернутой шубе, изображая медведя, козу, парни — переодевшись старухами, ведьмами, девушки — стариками, цыганами и т.п. Они заходили в дома, разыгрывали немудреные сценки гибели злых духов. Считалось, что для того, чтобы быть *светке*, достаточно парню повязать на голову платок, а девушке — надеть мужской малахай. Для очищения участники святок, по мнению верующих православных старух-чувашек, должны в крещенскую ночь искупаться в проруби.

В круг праздников зимнего солнцеворота входит девичий пир *хёр сәри*, он бытовал под разными названиями: *кәшарни* «морозная неделя», *нартукан* «рождение солнца». Для этого пира девушки вскладчину собирали продукты, снимали избу, пекли пироги, варили кашу, пиво. На девичий пир приходили посмотреть и пожилые люди, гостями были парни. Девушки показывали свое умение готовить, угощать гостей, петь-плясать. В одном селении могли проводиться пиры в нескольких частях. В одних местах только парни ходили с песнями, гармошкой от одной группой в другую, в других — девушки взаимно посещали одной группой другую. В некоторых местностях низовых чувашей девушки ездили со взаимными визитами в соседние деревни. Парней с ними не было, они наблюдали за гостями только в своей деревне. А девушек сопровождали молодые женатые мужчины. Девичий пир рассматривался как своеобразная аттестация девушек — и одежды, и ее способности, умение готовить, вести себя в компании, петь-плясать. Допущенная на девичий пир молодая девушка считалась «созревшей» для замужества. Хёр сәри прекратили проводить в 1960-х гг.

Зимние обрядовые праздники завершались *Ҙаварни* — проводами зимы и встречи весны. Празднование приурочивалось к периоду весеннего равноденствия и начиналось в четверг. У большинства чувашей *Ҙаварни* длилось две недели: первая называлась *аслә*, «великий», вторая — *кёсён* «малый». Позднее, с распространением христианства, чувашский *Ҙаварни* стал совпадать с русской Масленицей, проводиться одну неделю от воскресенья до воскресенья. В первый день молодежь направлялась на восточную окраину деревни, желательно на возвышенность. С собой брали блины, колобки *йăва* с лунками, наполненными маслом. Колобки и блины закапывали в снег, дабы солнце победило зиму и пришла весна. В каждом доме пекли пироги, блины.

С утра пораньше в этот день на улицу выходили мальчишки, каждый из них старался быть первым. Выйдя на горку, съезжали и сыпали конопляные семена, приговаривая: «Пусть в этом году лен и конопля будут долгими! Пусть у воробья нога сломается!».

Ближе к обеду на улицу выходила молодежь, каталась ради шутки на пряхках. Вечером их заменяли замужние женщины.

Со временем с гор стали кататься на больших санях, садились группами, съезжали со смехом-шутками. В Масленицу разъезжали по деревне в разукрашенных повозках. На дугу вешали колокольчик, сбруя разукрашена лентами, дуга — платками. Лошадей к Масленице зажиточные крестьяне специально откармливали. В Масленичную неделю ездили в гости. Ближе к полуночи зажигали заранее установленное

из смоляных бочек, старых колес, снопов чучело *џаварни карчакё* («масленичную старуху»), бегали вокруг костра.

В 1930—1950-х гг. Масленицу отмечали в узком семейном кругу. Лишь кое-где по старой памяти катались с горки, развезжали на санях. В 1960-х гг. стали возрождать проводы зимы, Масленицу с катаниями, с блинами, концертами художественной самодеятельности. В небольшой степени они проводятся по одинаковым сценариям, составленным профессионалами.

Весенний цикл. Большим праздником весны считался *Мӓнкун* («великий день»). Он отмечался в дни весеннего солнцеворота, начинался в среду и длился неделю. Этому празднику предшествовали обряды изгнания из селения злых духов старого года: *вирём* у верховых, *сёрен* у низовых. Как правило, он устраивался накануне или за неделю до великого дня.

Вечером в семьях поминали покойников. Утром дети, подростки приносили из леса рябиновые прутья, затем заготавливали трещотки. Собравшись на восточной окраине деревни, с благословения стариков дети шли по деревне. Заходя во двор, в дом, хлестали рябиновыми прутьями стены, углы строений, хозяев, чтобы изгнать злых духов, при этом другие крутили трещотки. Хозяева им давали вареные яйца, колобки, пирожки.

Обойдя деревню, ребята собирались за околицей, съедали угощения. Вечером на краю оврага за деревней дети и подростки складывали костер из старых лаптей, бросали в него рябиновые прутья, встряхивали над костром одежду, чтобы отогнать приставших к ним злых духов, хворь, прыгали через огонь.

С культом предков связано проведение *Калӓм кун* («день покойников»). В одних местах так называли неделю перед *Мӓнкун*, в других — ночь перед *Мӓнкун*. Накануне днем хозяева того дома, где в течение года пришлось хоронить, или же старший в семейно-родственной группе, созывали родню. Вечером в избе около двери усанавливали стол, на нем находились непечатый каравай хлеба, круг сыра, вареные яйца. По случаю поминок распечатывали бочку пива. На стол ставили миску, около нее — ложки по числу покойников из этой семьи и ее предков, пирог с овощной начинкой, кашу. На стене у двери зажигали свечи по числу покойников. Поминали умерших, «угощали» их, затем к ритуальной трапезе приступали приглашенные родственники. Считалось, что после таких поминок покойники почти на год не побескоят живых.

В некоторых местах во дворе раскладывался костер (*вирт*).

Чуваши полагали, что в дни *Калӓм колдуны* проявляют особую активность. Чтобы обезопасить себя, дом, живность от их козней, вокруг домов и хозяйственных построек проводили «железную изгородь» — очерчивали подворье железным предметом, огороды, скотные дворы окуривали можжевельником. На перекрестках жгли костры, стреляли из ружей.

С христианизацией православную Пасху чуваши стали называть *Мӓнкун*. Оставшиеся верными вере предков его стали отмечать в среду перед Пасхой.

Ко дню *Мӓнкун* готовились заранее — прибирались в доме, развешивали расшитые полотенца. В избах с дымоходом («по-белому») мыли стены. На *Мӓнкун* полагалось одеваться в новое платье. Ранним утром женщины готовили праздничную пищу — варили яйца, омлет, молочный суп, кашу. В некоторых местностях на вершинах холмов вокруг деревни

молодежь в полночь разводила костры. Утром старики молились верховному богу, солнцу. В литературе отмечается, что в некоторых селениях ранним утром старики с внуками шли на окраину деревни, поднимались на возвышенность, чтобы встретить восход солнца: в это день оно поднимается пританцовывая. По возвращении после молитв приступали к праздничной трапезе. Она начиналась с отведывания яйца, символизирующего высшее начало жизни, что было присуще многим народам. У богов-духов просили благополучия в жизни, богатого урожая, сытой упитанной живности. Детей угощали орехами, сладостями. Дети в этот день посещали родственников. Полагалось сначала идти к старшему родственнику, причем так, чтобы были и мальчики, и девочки: считалось, что от этого зависит пол будущего приплода скота. Если явятся мальчик и девочка, тогда и того, и другого будет поровну. Пришедших первыми бабушка сажала на перину или на пуховую подушку, давала им по яйцу, сладостей, орехов. В некоторых селениях дети ходят группами ко всем односельчанам.

На улице ставили качели, на них днем каталась молодежь. Устраивали и карусели, своим ходом по кругу символизирующие движение солнца. Дети и подростки катали яйца, играли.

Родственные группы семей в эту неделю гостили друг у друга. Сначала собирались у старшего родственника, затем по очереди угощались у других.

Христианизация внесла принципиальные изменения в смысл праздника. Но название, основные обрядовые действия сохранились во многом старинные.

В некоторых этнотерриториальных группах во вторник после Пасхи — на Радунцу — посещают кладбища, поминают предков.

Следовавшие за Мånкун весенне-летние обряды были связаны непосредственно с выносом семян, завершением весенних полевых работ.

Праздником, посвященным земледелию, является *Акатуй*. Верховые его называли *сухату*, низовые — *сапантуй* — везде означает «праздник пахоты» (некоторые исследователи склонны были понимать *туй* только как свадьбу, отсюда — «свадьба плуга»). В некоторых местах он как бы делился на две части — обряды накануне выхода на весеннюю вспашку и по завершении сева яровых.

Когда-то в этом празднике было много действий, имевших магический смысл. Со временем магический характер во многом утратился, осталась праздничная часть.

К Акатую начинали готовиться заранее. Как правило, его организовывала группа соседних или родственных селений. Собирались на лугу, начиналось торжество к полудню. Еще днем по деревне для награждения победителей собирали расшитые полотенца, платки, их дарили молодухи, вышедшие замуж за время, прошедшее с прошлого Акатуя. Зажиточные крестьяне жертвовали деньги. На них покупали барана.

Одним из центральных элементов Акатуя являлись соревнования: скачки, борьба, бег на перегонки, разные шуточные состязания. Победителям скачек дарили расшитые полотенца. Борьбу начинали дети, постепенно по мере выбывания очередь доходила до взрослых. Оставшийся непобежденным получал титул богатыря *латтър*. В награду он получал барана. И остальные борцы не оставались без поощрений.

Старики и семейные после окончания возвращались в деревню с гостями, пировали. А молодежь допоздна продолжала веселье.

Традиция проведения Акатуя не прерывалась. В 1930-х гг. их стали называть «колхозными». В настоящее время этот праздник состоит из нескольких частей. Сначала подводят итоги весенних работ, отмечают лучших механизаторов премиями, подарками, затем — концерт художественной самодеятельности, после чего проводятся различные состязания, спортивные игры, разные увеселения.

Летний цикл. Начинаясь с многодневного (от 7 до 12 дней) обрядового праздника *Ѕинсе*, приуроченного ко времени летнего солнцестояния. Его сроки в зависимости от погодных условий год от года колебались. Как правило, он совпадал со временем цветения ржи (растительности) и никакими особыми обрядовыми действиями не сопровождался. Это скорее даже не праздник, а время соблюдения покоя земли, ибо она «беременна».

Во время *Ѕинсе* запрещалось чем-либо беспокоить землю. Нельзя было копать, тем более пахать, вывозить навоз, строить что-либо, рубить лес. В эти дни не мылись в бане, днем не топили печи, не косили. Даже цветы не рвали. Нельзя было красить нити, ткани.

Нарушение покоя земли могло, по представлениям чувашей, вызвать бедствия — засуху, градобитие.

После захода солнца снимался запрет на пение, пляски, игру на музыкальных инструментах. Молодежь до утра водила хороводы. Днем же мужчины беседовали, женщины занимались рукоделием, а старики в окружении детей рассказывали сказки.

Со временем продолжительность запрета сокращалась. С принятием христианства его стали строго соблюдать в течение одного дня — в понедельник после Троицы, в Духов день. Его чувашаи называют *Ѕёр прасникё* «праздник земли».

Относительно некоторых праздников летнего цикла трудно однозначно утверждать, что в них старинного, а что вошло с православием, воспринято от соседних народов.

Значительная часть чувашей отмечает *Ѕимёк* — день летнего поминания — на кладбище. В то же время он не известен в некоторых этно-территориальных группах чувашей. Он приближен по времени к христианской Троице, в одних местах проводится в четверг, в других — в субботу накануне этого дня. На него перенесены многие элементы традиционных поминок, отмечавшихся или весной, или осенью.

Накануне *Ѕимёк* топили баню, для этого вязали венки из семи пород деревьев, «из семидесяти семи веток». Приготавливали отвар из «семидесяти семи трав». Полагалось до Семика семь раз искупаться в водоемах.

В день Семика не разрешалось шуметь, стучать, чтобы не вспугнуть души пришедших в гости покойных родственников. Готовили обрядовые блюда — пекли блины, варили яйца. Для поминания покойника в первые три года резали птицу, обычно курицу. К середине дня посеменно, всем селением шли на кладбище. На могиле стелили скатерть, выставляли угощение. Трапезу начинала старшая женщина — к намогильному столбу, кресту клала блины, яйцо, отливала пиво, отламывала хлеб. После этого начинался трапеза. Полагалось посетить могилы всех родственников. На третий год на крест вешали полотенец или отрез. Прощаясь, обходили три раза намогильный холм. После третьего года

покойник считается «старым», и не грешно, если его больше не будут посещать. В настоящее время соблюдается почти всей родней. В этот день в селение, на кладбище прибывают из самых дальних мест. Это единственный день, когда можно встретить всех бывших односельчан постарше, помоложе и ровесников.

По возвращении с кладбища полагалось собраться у старшего родственника. А молодежь вечером водила хороводы.

Воспринятым от русских вместе с православием является *сулса прасник* — «праздник листвы», отмечаемый в Троицу. Молодежь, подростки, дети ночью идут в лес за ветвями липы, рябины, березы, приносят их в деревню и украшают наличники окон, ворота по всей деревне. В некоторых селениях Симбирско-Саратовского Предволжья в Троицын день устраивают праздник березки, или проводов березки / весны. Ранним утром молодежь идет в лес, выбирает молодое, но крепкое дерево, срубает его и несет в деревню. Девушки украшают его кружевными разноцветными лентами. Они в руках держат разукрашенные веточки березы. Парни, сменяясь, проносят березку по всем улицам, устанавливая ее на берегу водоема. Там начинается молодежное увеселение, которое приходят смотреть взрослые, дети, пожилые. Затем березу провожают — бросают в водоем, толкают друг друга в воду. Бывает, с собой прихватывают женщин молодых и средних лет. Обижаться не принято. Очутившись в воде, подплывают к березке. Отламывают веточку, несут ее домой и втыкают в ворота.

Собираемым в *сулса прасник* растениям и травам приписывали целительные свойства (целебное действие многих из них было основано на реальной практике народной медицины). Собранный набор трав (сюда входило до 77 различных растений) использовали во время мытья в бане накануне Троицы и во время болезней. Особую силу приписывали цветам и травам, собранным вечером перед наступлением Семика и Троицы, совпадавших по времени с началом *Синсе* (в период *Синсе* запрещалось рвать зелень). Еще в начале XX в. у чувашей широко бытовало представление о том, что до Семика нужно обязательно семь раз искупаться. В полночь на Троицу мылись травяной водой, пили ее, «чтобы от этого сделаться новым человеком и здоровым» [Никанор. С. 17].

Июнь был особенно веселым месяцем для крестьянской молодежи и детей. В это время чаще всего проводились ярмарки. Сразу после Семика начинали *хёр пуххи* — девичьи хороводы, игры, песни, пляски, которые продолжались все время *Синсе* вплоть до паровой пашни под озимые (до Петрова дня). В будние дни хороводы обычно устраивались по вечерам, как правило, неподалеку от деревни, а по воскресеньям и пятницам — на границах между соседними селениями.

Со второй половины июня и вплоть до начала июля у чувашей была пора свадеб. В связи с этим во многих местах это время называется *хёр уйахе* «девичий месяц». Свадьбы иногда совпадали по времени с *Синсе*, что придавало этому периоду праздничный характер. У чувашей большинство свадеб справляли перед сенокосом, а после окончания свадебных торжеств молодая выходила на сенокос и участвовала в страде; в другое время устраивали свадьбы лишь зажиточные крестьяне (обычно на Масленицу), а также в тех случаях, когда женились без позволения родителей, похищая невесту.

Ҷинҗе и уй чўкё (полевое моление), входившие у чувашей в единый обрядово-праздничный комплекс, были наиболее важными моментами не только летней, но и всей календарной обрядности; аналогичные аграрные летние календарные праздники чувашей имели ярко выраженный общинный характер. Они были направлены на обеспечение плодородия, предотвращение засухи во время важных хозяйственных работ, на защиту людей и домашнего скота от болезней при проведении охранительных обрядов.

Во время праздничных и обрядовых действий рождалось обостренное чувство общности и солидарности. Общинные праздники играли роль организующих моментов в общественной и духовной народной жизни. Несоблюдение праздников и связанных с ними религиозных запретов и ритуалов сурово осуждалось общиной. Особенно ярко выявлялась общинная основа при праздновании Ҷинҗе, уй чўкё, җумӑр чўкё (моление о дожде).

Время проведения Ҷинҗе назначалось по распоряжению мира (*халӑх*) и объявлялось особыми выборными. В этот период земля считалась беременной, с чем было связано много запретов (запрещалось тревожить землю: пахать, рыхлить лопатой; красить, косить траву, возить навоз, строить избы и т. д.). Община строго следила за их выполнением. В случае нарушения, особенно если вскоре после этого происходила гроза или выпадал град, виновники наказывались должностными лицами или самими крестьянами. Нередко расправу совершала вся деревня и в особенности пострадавшие, так как считалось, что несчастье произошло по вине нарушителя. Так, в начале XX в. в Ядринском уезде один крестьянин стал во время Ҷинҗе возить навоз в поле. Жители его села жестоко избили этого крестьянина [*Никанор*. С. 19]. Иногда наказание было сравнительно мягким (нарушителей обливали водой, отнимали у них сошники, лопаты), но порой доходило и до уголовных дел.

Самым торжественным днем праздника Ҷинҗе был тот, когда устраивали полевое моление уй чўкё. Оно совершалось для того, «чтобы поля не побило градом, не повалило бы колос бурей, не сожгло бы молнией, не поел бы червь и вообще, чтобы год был счастливым» [*Михайлов С.М.*, 1891]. Уй чўкё относилось к числу наиболее важных общественных обрядов, сопряженных с большими материальными затратами на жертвоприношения. В XIX — начале XX вв. проведение обряда ограничивалось обычно рамками общины, однако в XVII—XVIII вв., по архивным данным, круг его участников был значительно шире и включал население десятков деревень, а порой и нескольких уездов, причем участвовали в них как чувашские крестьяне, так и жившие по соседству марийцы и мордва. Большое моление уй чўкё с крупными жертвоприношениями получило название *мӑн чўк*. Д. Месарош сообщал еще в начале XX в., что в Буинском уезде чуваше зоны расположения девяти деревень «Тӑхӑрьял» справляли близ с. Чувашские Кицаки совместный чўк, а в Чебоксарском уезде, близ д. Вомбукасы (совр. Альгешево), собирались жители девяти деревень и приносили в жертву 77 различных животных, что обходилось в 200—300 рублей. Мӑн чўк устраивали и в случае сильной засухи.

Обычно выбор животных для жертвоприношения происходил на сельском сходе, причем особенно считались при этом с мнением йомзи,

Ритуальная пища
на месте
жертвоприноше-
ния учук
[НА ЧГИГН.
Отд. I. Т. 74.
Фонд
Н.В. Никольского].

который указывал размеры жертв, вид скота и его масть. О цене жертвенных животных не принято было торговаться — покупали по первой запрошенной продавцом стоимости. Участие в молении уй чўкё было обязательным для всех членов общины. Если кто-либо из крестьян отказывался, его наказывали на сходе.

Примечательно в этом отношении следующее происшествие, о котором сообщает в начале XX в. один из корреспондентов Н.В. Никольского. Один крестьянин договорился с йомзей о том, что тот укажет на его быка, как наиболее желательную жертву. Во время испытания животного, которое было куплено общиной, старики, по обычаю, стали поочередно по старшинству подходить и обливаться водой. Однако бык не содрогнулся, что было признаком его негодности божееству. Крестьяне узнали о сделке и убили быка кольями, затем, разрубив на части, бросили на съедение зверям, а его владелец был отлучен от участия в общественном молении и сельских сходах, помимо этого, взамен денег, потраченных на покупку быка, миром решено было забрать у него корову [НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 111. Л. 8—10].

Жертвоприношение крупных животных — быков, лошадей, коров — происходило, как правило, не каждый год, а раз в 3—4 года; в промежутках между этими жертвоприношениями в жертву приносили овец, телят, кур и гусей. Причем считалось, что четвероногих животных должно было быть не менее девяти (по числу главных богов). Количество жертв зависело и от числа участников моления. Если собиралось население нескольких деревень, то приносились крупные жертвы.

В жертвоприношении участвовали старики (и несколько крепких мужчин). Они надевали верхнюю одежду, снимали шапки. Из ключа набирали воду. На каждое животное полагалось по одному отдельному ведру. Старик, подойдя к бычку, лил воду из ковша сначала на рога, уши, затем на спину. При этом он молился: «Турё, помилуй нас. Приносим добрую жертву. Дай нам урожай. Сделай доброе народу деревни, бере-

ги от нечистой силы, бедствий, пожара». Если животное встряхивалось, старики кланялись — считалось, что оно согласилось быть жертвой, его приемлют боги, если нет, то обливали повторно. Но если животное и во второй раз не встрепенулось — тогда его следует заменить.

После обливания животных закалывали. Старец молился, присутствующие мужчины присоединялись к нему. Затем он высекал кремнем огонь и зажигал жертвенные костры под котлами. Мясо свеживали, ополаскивали водой из родника. Внутренности чистили и мыли женщины. Варили в нескольких котлах, по некоторым данным, в девяти: в одном варили мясо бычка, в другом — барашка, отдельно — легкие, печень, сердце, отдельно — требуху. За процессом следили старец с восемью помощниками.

После того как еда сварилась, котлы снимали и ставили на расстеленные шкуры. К этому времени собиралась почти вся деревня. От каждой семьи должны были присутствовать не менее двух-трех человек. Миски ставили в ряды — получались как бы улицы. Мясо вынимали и раскладывали в большие деревянные блюда *чара*. Старики опять надевали кафтаны, снимали шапки, предводитель обряда раздавал всем присутствующим по куску мяса. Те становились лицом к востоку, молились. По одним источникам, молился старец, другие слушали, по другим — и остальные мужчины повторяли за ним. Канонизированного текста не было. Обращались к богу, его матери (или жене), *Пүлэхсё*, *Пихампар* (богу животных), *хёрлё сыр* (духу, оплодотворяющему землю), семейству духов земли (*сёр йыш*), хранителю земли и воды. Просили вырастить посеянное, умоляли дать прибыль, прибавку в поле, на гумне, в амбаре. При этом называли, каких животных приносят в жертву, подчеркивая, что это делается от всего селения, в т.ч. стариков, женщин, детей. По некоторым данным, каждый котел предназначался отдельному духу или семейству духов. Тогда, разумеется, каждому молились по отдельности.

После молитвы рассаживались на траву и приступали к трапезе. Насытившись, все вместе возвращались домой, остатки еды забирали с собой. На месте чук оставались несколько стариков, которые развешивали шкуры жертвенных животных на дерево, а кости собирали и сжигали на костре. В далеком прошлом предавали все несъеденное.

В тех селениях, где были крещеные чуваша, они также обычно участвовали в этих обрядах и жертвоприношениях вместе с некрещеными. В смешанных по национальному составу общинах в молении уй чукё принимали участие, наряду с чувашами, татары и марийцы, у которых также существовали подобные обряды и жертвоприношения.

Иногда полевое моление сопровождалось очистительными обрядами, которые проводились регулярно через каждые 3 года на третий день после жертвоприношения уй чукё: чуваша добывали огонь трением, прогоняли скот через земляные ворота и приносили в жертву двух баранов (один — за людей, другой — за животных). Этим охранительным обрядом чуваша завершали уй чукё.

Иногда моление уй чукё завершалось народным гулянием и праздником Акатуй. Как правило, чуваша отмечали этот праздник перед весенней пашней. Однако в конце XIX — начале XX вв. он утратил свой религиозный характер и воспринимался уже как молодежное увеселе-

ние, поэтому стал возможным его перенос на летнее время. Завершая уй чўкё и период Финсе, он, таким образом, предшествовал подъему пара, который чуваша проводили в конце июня (затем в начале августа проводили повторную вспашку озимых полей). Таким образом, уй чўкё был наиболее крупным общественным молением чувашей, связанным с целым комплексом различных обрядов.

Но уже в начале XX в. моления уй чўкё во многих местах совершались нерегулярно, лишь в случае засухи. Известно, что во время засухи и голода в начале 1920-х гг. в ряде селений этот обряд старики пытались возродить.

Другим коллективным молением являлось моление о дожде сўмър чўк. Жертву приносили духам природных стихий — дождя, ветра, засухи, града, зноя. Чаще всего обряд замыкался на вызывании дождя. Во второй половине XIX — начале XX вв. в обряде участвовали молодые люди и дети под руководством одного-двух стариков. Его полагалось проводить через неделю после уй чўк, но сроки строго не выдерживались. В засушливый год сўмър чўк справляли весной после завершения сева. Интересно отметить сходную особенность аналогичных обрядов у татар [Уразманова. С. 101]. Моление о дожде известно у чувашей в разных вариантах и встречалось под различными названиями — сўмър чўк, сёрси чўк «воробыиное жертвоприношение», сўмарта чўк «яичная жертва» и пр. Обязательными элементами (при некоторых локальных отличиях) были: 1) сбор продуктов по всей деревне, ловля птиц и приготовление жертвенного угощения; 2) обливание водой, купание. Юноши и дети ходили по дворам, собирали необходимое для приготовления обрядовой еды. В безлесных местах по дворам собирали и дрова. В некоторых деревнях мальчики ловили грачей, галок, воробьев; запрещалось ловить голубей и ворон. Варили кашу, готовили яичницу, птицы шли на жаркое. По приготовлению еды подходило несколько стариков. Все вставали, обращались к востоку, старики молились о ниспослании дождя, просили духов уберечь от града, засухи, суховея, ураганов. Потом приступали к трапезе. Откушав, молодежь и дети прямо в одежде купались в водоеме, шли в деревню, где с ведрами ходили по улицам и всех обливали водой. Отказ подвергнуться обливанию считался серьезным проступком. Как описывал В.К. Магницкому учитель Егоров, одна молодуха заперлась в избе и не давала себя облить. Тогда староста деревни велел парням настоять на своем, чтобы как-нибудь облить ее водой, «хоть дверь изломать да войти, вытащить ее на волю. Так и сделали. Изломали дверь, вытащили ее наружу. И была облита водой. Этого мало. Взяли у нее рубаху, штаны, лапти, онучи, бросили в воду». В основе обливания водой (особенно тех женщин, которые были первый год замужем) лежала имитативная магия и представления, связанные с культом плодородия.

Интересно содержание молитвы во время «воробыиной жертвы», зафиксированная В.И. Михайловым: «Как этот воробей легок, так пусть легко будет в миру. Которым пришло время идти замуж, чтобы до будущего года выйти, а которым пришло время жениться, то быть жена-тым, молодым расти, а старым стариться» [Михайлов С.М., 1891. С. 96]. Можно предполагать в этих молодежных обрядах отголоски обычаев инициации. В молитве отчетливо выражена забота общины о воспроизводстве семьи, традиционного образа жизни.

Моление о дожде проводили обычно после полевого, иногда непосредственно на следующий день после уй чўкё (когда хлеба набирали молочную и восковую спелость), значительно реже — до ҶинҶе (в период колошения), но только не в период цветения (т.е. во время ҶинҶе, так как в эти дни дождь мог сбить пыльцу, что считалось нежелательным).

По мере проникновения христианских норм в быт чувашей они постепенно стали отходить от традиционного обряда. Моление о дожде заменилось молебном с выносом икон, хоругвий, крестным ходом, православными молитвами в поле. Однако кое-что сохранилось по настоящее время. Так, когда долго нет дождей, старухи предлагают детишкам поиграть в дождик, обливать друг друга водой.

Если моление о дожде не помогало и засуха продолжалась, проводили обряд *сёр вёрлани* (кража земли). Он совершался лишь эпизодически. Во второй половине XIX в. сохранились лишь его отдельные отголоски. Нерегулярный характер имели и жертвоприношения от града.

Летняя страда, считавшаяся хотя и трудным, но радостным периодом в крестьянской жизни, начиналась обыкновенно в июле, в Петров день (*Питрав*). От этого срока (29 июня по ст. стилю) отсчитывалось время сделок, договоров, найма работников. Нередко на Петров день собирались ярмарки. После этого дня начинался сенокос. Так как сенокос открывал обыкновенно уборочные работы, то в некоторых селениях по этому случаю устраивалось специальное моление *утӑ чўкё* (моление о сене) с жертвоприношением.

Осенний цикл начинался с момента получения зерна нового урожая. Первые осенние благодарственные моления *авӑн пӑтти* (овинная каша) или *авӑн сӑри* (овинное пиво) были связаны с окончанием молотьбы, происходившей обычно в сентябре (*авӑн уйӑхё* «месяц овина», *йётем уйӑхё* «месяц тока»). Для окончания молотьбы всегда приглашались родственники и соседи, независимо от числа работников в своей собственной семье. До начала торжества глава семейства с приготовленными яствами шел на гумно и произносил молитву, обращенную к «хозяину овина».

Праздник *сӑра чўклени* (моление с пивом) справляли после завершения сельскохозяйственных работ в честь нового пива. Для праздничного стола все готовилось преимущественно из продуктов нового урожая. На торжестве участвовали родственники, соседи, друзья. Его начало предварял специальный обряд, в ходе которого глава семейства читал благодарственную молитву за урожай хлеба и просил на будущий год изобилия и благополучия. В молитве упоминались все чувашские боги и духи.

После молений *сӑра чўклени* проводили обряд *автан сӑри* (петушиное пиво), основное содержание которого — поминовение усопших. Отмечали его по окончании полевых работ в месяц *юла* после полнолуния.

Осенние поминки *автан сӑри* имели более торжественный характер, чем летние. В этот день обязательным было закалывание петуха — птицы, известной в мифологии своей защитной оберегающей силой по отношению к злым духам и связанной с загробным миром. С наступлением ночи, по представлениям чувашей, начиналось время пробуждения умерших. Пение петуха давало знать, «что их деятельности полагается конец, а наступает время для деятельности живущих. Следова-

тельно, пение петуха есть сила, враждебная для умерших. Отсюда понятно большое употребление у чуваш поминальной пищи, приготовляемой из петуха, это должно было составлять самую желательную пищу для покойников» [Архангельский. С. 45—46]. Впоследствии смысловое значение, связанное с употреблением этой обрядовой пищи, было утрачено, но она сохранилась как традиционное поминальное блюдо. Осенние поминки продолжались до глубокой ночи. К рассвету устраивали проводы покойника с песнями и плясками. Поминки обязательно заканчивались мытьем в бане, которое рассматривалось как очистительный обряд.

Таким образом, весь октябрь и ноябрь у чувашей происходили благодарственные моления и обряды, поэтому они и получили в народном календаре названия *юпа уйăхĕ* «месяц поминовения усопших», *чŭк уйăхĕ* «месяц жертвоприношений». Поминальной обрядности в этих молениях отводилось главное место.

Иногда в это же время совершался обряд, связанный с занятием чувашей скотоводством, — *карта пăтти* (каша скотного двора) в честь духов-хранителей домашнего скота. Накануне готовились *юсманы* — жертвенные блины из пшеницы или ячменя вновь обмолоченного урожая (до 100 штук). Варилась каша на скотном дворе. По прочтении молитвы ложку каши бросали в огонь. Глава семьи обращался в своей молитве с просьбой сохранить стадо, обеспечить хороший приплод и зимовку. В день этого моления скотину кормили сытнее обычного, и она весь день была на вольном выпасе.

Во время страды в летне-осенний период часто устраивались помочи — *ниме*, которые также включали обрядовые и праздничные моменты, связанные с началом и окончанием работ. Совершенно лишены были религиозных моментов такие празднично-трудовые по своему характеру собрания, как «холки», различные посиделки, «капустки», супрядки.

«Капустки», как и «холки», в прошлом созывали как в русских, так и в чувашских деревнях, причем нередко русские крестьяне приглашали на них своих соседей-чувашей, татар и марийцев. В помочах, проводимых русскими в окрестностях городов Чебоксары и Козьмодемьянск для рубки капусты на зиму, нередко принимали участие и чувашаи, приходившие на эти вечера не столько ради труда, сколько из-за устраиваемой после него вечеринки, со своими музыкальными инструментами — гуслиями, пузырями, скрипками [Михайлов С.М., 1972. С. 159].

Календарные праздники чувашей имеют в своей основе земледельческую аграрную обрядность, составными элементами которой являлись обряды, приписывавшие живительную силу воде, (вызывания дождя), благодарственные обряды, завершающие хозяйственные занятия — молотьбу, жатву, и поминальная обрядность: (культ предков, связанный с культом растительных сил земли). «Поминовения, — как отмечалось в описаниях конца XIX в., — составляют самую важнейшую часть в чувашско-языческом культе, так что даже все народные праздники чуваш можно называть чествованием предков» [Никанор. С. 36].

Христианская традиция в большинстве случаев получила в чувашских календарных праздниках и обрядах сравнительно поверхностное отражение. Наиболее стойко сохранялись праздники и обряды, исполнявшиеся коллективно всей деревней или общиной. С развитием капитализма коренные изменения, усилившие социальное неравенство в

чувашской общине, прежде всего в пореформенный период, повлияли и на традиционные обычаи.

И в наше время ценное воспитательное и эстетическое значение имеют те элементы народных празднеств, которые были лишены религиозно-магических элементов. Подобные обрядово-праздничные моменты, впитавшие яркие культурные, психологические и национальные особенности чувашского народа, особенно стойко сохранялись в традиционных формах трудовой взаимопомощи и веселых развлекательных праздниках молодежи, утративших в значительной степени уже в XIX в. свой религиозный характер.

Производственная обрядность

Хозяйственная деятельность крестьянина обставляется обрядами, традиции требуют их исполнения как своеобразной заявки и в определенной степени гаранта благополучного результата совершаемого трудового действия. В обрядовой культуре чувашей важнейшее место занимают производственные обряды. Они сложились в результате напластования разных эпох, исторических периодов, через которые прошел чувашский народ. Обычаи и обряды направлены на обеспечение благополучия крестьянского хозяйства — богатого урожая, тучного скота, успешной работы. Некоторые из них исчезли под влиянием христианства или трансформировались. После коллективизации в силу известных причин ряд обрядов перестал исполняться.

Обряды земледелия. По традиционному распределению циклов сезонных работ земледельческие работы начинаются с весенней пахоты. К работе приступали, как только земля оттаяла на двадцать. Для начала любой значимой работы, будь то пахота, сенокос, рубка дома, определялись дни удачливые и плохие. Счастливыми днями для начала работ считаются вторник, четверг, суббота. Допустимы понедельник (он у чувашей не «тяжелый»), воскресенье (под влиянием православия он отнесен к выходным, но что-либо начинать, как считала немалая часть крестьян, в этот день допустимо). Священники строго следили, чтобы чуваша в воскресенье не работали. Впоследствии эта функция перешла к старостам. Среда и пятница относятся к тяжелым, что соответствует традиционному календарю. *Юмăс* (жрец) или старики определяли день начала работ.

В день выезда на весеннюю вспашку мужчины запрягали лошадей, на телеги грузили пахотный инвентарь, затем заходили в избу. На стене около двери прикрепляли зажженные свечи, приоткрывали дверь и обращались к богам и духам полей (*ана йыш*) с молитвой-просьбой ниспослать удачу, успешную работу, богатый урожай (чтоб из одного зерна уродилась тысяча), сберечь посевы от засухи, ураганов, града, вредителей. Православные стали зажигать свечу перед иконой, молиться Богу и святым. После молитвы отрезали от караваев по куску хлеба для каждой лошади, посыпали солью, выходили во двор, подводили лошадей к воротам и скармливали хлеб. Считалось, что после этого лошади не будут уставать, какой бы трудной не оказалась пахота, они не отоцуют. В первый день положено выехать рано, еще до рассвета, чтобы никого не встретить на пути. Направлявшиеся на пахоту другие односельчане в счет не принимались. Если навстречу попадался человек, про кото-